

УДК: 341.234

DOI: 10.25991/u2001-8993-0409-u

И. С. Богданов*

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В ПОИСКЕ ОТВЕТОВ НА ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ**

Аннотация: В статье затрагивается вопрос о роли литературной критики в поиске ответов на «проклятые» философские максимы русской жизни. На примере отдельных фрагментов из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» показано, насколько актуальны «вечные» вопросы русской литературы и как они продолжают жить в современной действительности. Указана роль литературной критики, которая подводит читателя к поиску путей осмысления философской проблематики отечественной классики, подчеркивается живучесть онтологических вопросов в прошлом и настоящем.

Abstract: The article touches upon the role of literary criticism in the search for answers to the “damned” philosophical maxims of Russian life. Using the example of individual fragments from F. M. Dostoevsky’s novel “The Brothers Karamazov”, it is shown how relevant the “eternal” questions of Russian literature are and how they continue to live in modern reality. The role of literary criticism is indicated, which leads the reader to search for ways to comprehend the philosophical problems of Russian classics, and the persistence of ontological issues in the past and present is emphasized.

Ключевые слова: критика, художественная литература, «вечные» и «проклятые» вопросы русской жизни, текст Достоевского.

Keywords: criticism, fiction, “eternal” and “damned” questions of Russian life, Dostoevsky’s text.

*Богданов Иван Сергеевич — аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского; ivan_bogdanov_97@mail.ru

Bogdanov Ivan Sergeevich — postgraduate student at the Herzen State Pedagogical University of Russia, the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky ivan_bogdanov_97@mail.ru

**Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00636, <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00636, <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>; the Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Критическое знание формирует систему представлений о том или ином предмете. Именно благодаря критике, которая первой реагирует на самые живые процессы человеческого бытия, в том числе на появление фактов литературы, искусства, культуры, начинает складываться и развиваться собственно научное знание. В свою очередь научное знание оказывается в фундаменте общечеловеческих представлений о мире и человеке, о времени и о себе. Опора на критическое знание порождает научную базу, которая лежит в основе познания человеком окружающих процессов действительности.

В этом плане литературная критика особенно активно вмешивается в человеческое сознание — особенно в России, которая, как известно, есть страна литературоцентричная. Здесь поистине «В начале было Слово...».

Примечательно, что русская литература с момента своего рождения (будем ли отсчитывать начало от XII века «Слова о полку Игореве» или от XVIII века русского классицизма) была литературой философского плана, исконно обращенной к проблемам человеческой жизни, души и сознания.

При этом русская литература отличается от других мировых литератур тем, что она более иных вбирает в себя духовные и нравственные начала, в ней именно высокие этические идеалы составляют эпицентр авторских размышлений, авторская интенция непременно связана с моральными установками человеческих представлений. И даже если относительно этого весьма общего положения у кого-то могут возникнуть сомнения, то во всяком случае прямо это суждение относится к литературе XVIII–XIX в., так называемому периоду классической русской литературы. Пример тому (даже доказательство) — творчество Г. Державина, М. Ломоносова, А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Тургенева, И. Гончарова, Ф. Достоевского, Л. Толстого и др.

Современные художественные эксперименты постмодернистской (и ранее, в начале XX века, авангардистской) литературы внешне как будто бы противоречат этому суждению (см.: [1; 2; 8; 10]), но при внимательном изучении творческих течений конца XX — начала XXI в. можно заметить, что нравственные поиски личности обнаруживают себя и в литературе начала XX в., и на современном этапе [3]. Другими словами, в целом (традиционно) русская литература (вопреки громким заявлениям новаторов и экспериментаторов) обращена к разрешению «вечных» и «проклятых» вопросов национального бытия, а осмыслению этих вопросов и поиску на них ответов в первую очередь помогает критика, литературная критика как наука.

Критика на любом этапе человеческого общества оказывается связанной с реально текущей жизнью, с живыми процессами человеческого существования. И если литература есть отражение жизни, то критика есть отражение и осмысление литературы, тех важнейших процессов, которые находят отражение в искусстве слова.

Литературоцентричная русская литература пробудила к жизни множество гениальных личностей. В этом плане, пожалуй, одним из самых спорных и неоднозначных творцов русской литературы, без сомнения, был и остается

Ф. М. Достоевский, чье представление о благе, о высших идеалах и идеях если не спорны, то неисчерпаемо и константно сложны. Начиная с его ранних произведений, связанных с выявлением типологии и характерологии «маленького человека», например, посредством образа Макара Девушкина из «Бедных людей» (заметим, «маленьких» людей для писателя, со всей очевидностью, не было), через роман-эксперимент, роман-«пробу» «Преступление и наказание», писатель Достоевский выходил к большим философским обобщениям и спорам, к постановке таких проблем, которые и до сегодняшнего дня не нашли своего разрешения. Более того, продолжают вызывать споры и неоднозначные научно-критические оценки (см.: [1; 6; 7; 11 и др.]).

В этом смысле роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» не только по исходному замыслу, но и по глубине философических споров много шире и эпичнее, чем (нравоучительный по своей сути) роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Если у Толстого самим писателем ясно обозначены полюсы добра и зла, если сам прозаик-эпик безапелляционно указывает на то, «что такое хорошо и что такое плохо», то Достоевский задается сложнейшими вопросами человеческой жизни, споря не с внешним противником-оппонентом (поверхностный уровень), но с самим собой (внутренний уровень), в глубинных мыслительных уголках сознания своих героев выстраивая сложные антитезы, причем не противостояния, а взаимопроникновения — добра во зло, света в тень, сопричастности Бога и дьявола.

«Легенда о Великом Инквизиторе» — центральное звено не только романа Достоевского «Братья Карамазовы», но, пожалуй, и всего творчества писателя (если не сказать, что это краеугольный камень всей русской литературы XIX века).

Для читавших роман Достоевского «Братья Карамазовы» очевидно, что ведущими (основными) героями-оппонентами оказываются братья Карамазовы Иван и Алеша. Примечательна уже исходная диспозиция персонажей — спор возникает между братьями. В контексте общечеловеческого спора, затеянного писателем Достоевским, этот факт сам по себе важен, принципиален, предельно концептуален.

Герой Иван, раздираемый противоречиями, отравившими его ум, душу, сознание, ищет собеседника, который бы мог выслушать и понять его, помочь разрешить его неразрешимые вопросы. И этим «слушателем» оказывается «божий человек» (по значению имени [12, с. 37–40]) Алеша. Если сознание (и душа) одного героя Достоевского заражена разлагающим скептицизмом, то душа другого открыта Богу.

В рассказе Ивана (в поэме — по определению Алеши [5]) герой воспроизводит эпизод из эпохи средневековья периода инквизиции, содержание которого с очевидностью отражает противоречия (вопросы) в душе самого терзаемого мыслями героя Достоевского. В споре между Христом (Ты, Он) и Инквизитором персонаж Иван воспроизводит те крамольные и страшные

мысли, которые пугают его самого, низвергают его в самые глубинные и темные уголки человеческой природы.

Примечательно, что схема развития событий в *истории* и в *настоящем* у Достоевского выстроены сопоставимо параллельно: как Инквизитор один произносит свой пространный монолог-обвинение, а его собеседник молчит, так и в реальности романа Иван с напором излагает древнюю историю, а Алеша молчаливо и смиренно слушает ее. Однако победа за «говорливыми» героями в обоих случаях не предусмотрена: поцелуй Христа в сцене с Инквизитором и заключительная реплика Алеши ставят под сомнение истинность тех аргументов, которые выдвигают Инквизитор и Иван.

Каковы же эти аргументы, насколько релевантны они в прошлом и настоящем?

В самом общем смысле спор в романе Достоевского разворачивается вокруг вопроса о вере, о характере мироустройства, о человеке в этом мире, в самом широком плане — о добре и зле, о Боге и дьяволе (искусителе), о мире Божественном и человеческом. О свободе.

В легенде Инквизитор напоминает *Ему* о трех вопросах, которые не нашли ответа и разрешения. И это вопросы-аргументы, это вопросы-ответы, вопросы-проблемы. Вопросы, которые в своей риторике уже содержат утверждение, некий ответ, который и хочет услышать и озаглавить Инквизитор.

По мысли Великого инквизитора, свобода есть бремя для человека. Люди не способны взять свободу на себя и справиться с её даром, данным Христом в пустыне (отказ от искушений хлебом, чудом и властью). Соответственно тому возникают три ракурса-вопроса.

Первый из вопросов касается свободы и хлеба. Кажется, весьма странное словосочетание. Но именно соположение этих понятий и позволяет выявить противопоставление идей. В упрощенной форме вопрос звучит так: нужна ли свобода человеку, если он будет голоден? Другими словами, Инквизитор настаивает на том, что человеческие инстинкты сильнее веры и желания свободы. Голос земли и плоти — самый сильный и самый непреодолимый.

По Инквизитору, в мире должен доминировать древний римский принцип плебса: *хлеба и зрелищ!* И ничего другого. Но Достоевский, воспитанный в атмосфере русской ментальности и православного закона, мыслит иначе: *не хлебом единым жив человек.*

В задачи предлагаемых размышлений не входит выявление всех слагаемых затейного спора, но любопытно, что и сегодня эти известные сентенции остаются актуальными и дискуссионными. С одной стороны, можно согласиться с Инквизитором (и иже с ним), что голодному человеку, страдающему без пищи и воды, не нужна никакая другая свобода, кроме свободы быть сытым. Неслучайно мы сами в «кухонно-домашних» разговорах приводим в качестве аргумента предложение: накормите наших соотечественников, дайте высокие зарплаты, обеспечьте всеобщее благополучие — и у нас не будет грабителей и воров, у всех и всего будет в достатке, преступность и злоба будут искоренены.

Но, с другой стороны, понятно, что такого «простого» решения *не*-достаточно, оно *не*-всемогуще. Думающий человек осознает, что преступления в людском мире совершаются не только во имя куска хлеба (а все чаще и не столько ради куска хлеба), сколько во имя неких иных целей и задач.

При этом хочется верить, что нравственный человек, даже испытывая потребность и нужду, не возьмет чужого, не покусится на жизнь себе подобного. Но в любом случае, вслушиваясь в слова и мысли Инквизитора и Ивана, возникает мысль, что зерно истины в их размышлениях есть. Они созвучны сегодняшним суждениям *homo sapiens*.

Второй вопрос, который, по Инквизитору, должен был осмыслить и разрешить Он (Ты), — это вопрос о чуде, тайне и авторитете. «Есть три силы, — говорит Инквизитор, — единственные три силы на земле, могущие на веки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков для их же счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет» [5].

По наблюдению Инквизитора, «остаться без чуда человек не может. И если у него не будет настоящих чудес, он насоздаст себе новых чудес, уже собственных и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству...» [5].

Вновь размышления по поводу «провокационного» вопроса Инквизитора порождают неоднозначные ответы. И дело уже даже не в знахарстве и колдовстве.

Понятно, что писатель XIX века Достоевский, человек глубоко религиозный, склоняется к вере, к Божественному чуду и тайне и, как следствие, к *авторитету* Бога. Но скептический ум человека уже в конце XIX — в начале XX века познал открытия науки и уверовал не в Бога, а в Разум человеческий, в способность не поверить, а проверить, не почувствовать, а потрогать, не предположить, а доказать. Скептицизм XIX века своим базовым истоком имел великие научные открытия — в области медицины, биологии, техники, даже (пред)освоения космоса. Бог нигде и ни в чем не был найден. Более того, вера в Бога уже не спасала человека, а вредила ему: медики могли помочь там, где Божественное вмешательство было тщетным. Неслучайно появилась народная мудрость: на Бога надейся, а сам не плошай. Бог нуждался в помощи.

Казалось бы, XX век должен был разоблачить веру в Бога и окончательно утвердить атеизм. Но и здесь снова сомнение Ивана Карамазова оказывается оправданным, вплоть до нашего времени. Есть величайшие достижения науки, медицины, но духовная сила человека, как ни странно, помогает избежать смертельного исхода *чудесным* образом. Каждый из нас сталкивался с ситуациями (историями, рассказами, «былями») о том, как смертельно больной человек, приговоренный медиками к уходу из этого мира, вдруг оказывался исцелен верой и духом, некими скрытыми — таинственными — потенциями человеческого организма, как ни странно, не до конца подвластного научным законам и научному знанию.

В статье, граничащей по своему жанру с эссе, позволим себе некоторое личностное «отступление», связанное с жизненными наблюдениями

и бытовым опытом. Так, в одной из неспециализированных (не-научных) телевизионных передач некий хирург на вопрос скептика: «Вот вы — хирург, но Вы верите в Бога. Однако ведь ни Вы и никто другой его никогда не видели», — ответил: «Да, я хирург. Но когда я вскрываю черепную коробку, забираюсь в мозг, я не вижу там ума. При этом никто не отрицает наличие ума у человека, хотя никогда его не видел». Ответ доктора поражает и заставляет задуматься...

Наконец, третий вопрос, который задает Великий Инквизитор Ему, касается всемирного владычества (меча Кесаря) и социального равенства и благополучия. Золотого века блаженных и счастливых людей без Бога. То есть того миропорядка, когда в отсутствие Бога сам человек становится «авторитетен» и богоподобен.

В период написания Ф. М. Достоевским романа «Братья Карамазовы» с этим социальным раем для человека на земле связывались идеи социализма (в том числе «утопического социализма» Н. Г. Чернышевского, воплощенные им в дискуссионном романе «Что делать?», который, в свою очередь, стал толчком к созданию «Преступления и наказания» [9]). Это будущее счастье человечества Великий Инквизитор представил так: тихое смиренное счастье слабосильных существ, жалких детей, трепещущих расслабленно гнева своих благодетелей, — робких умом, бедных, нищенски бедных здоровыми чувствами, безвольных и тупых. Действительно, в силу вступал принцип социалистического равноправия: *каждому по способностям, от каждого по труду*. Равенство зарплат при социализме, равенство социального положения граждан, всеобщее взаимоуважение и др.

Однако опыт предшествующих поколений (в том числе, наших родителей) свидетельствует о том, что социализм уравнивал личности, не давал возможность проявлению лично(стно)й индивидуальности, яркости и выразительности ее своеобразия. Это позиция не абсолютна, естественно. Но в самом общем плане (с точки зрения молодого поколения сегодня) социализм может быть охарактеризован именно так: всеобщая «уравниловка».

На этом основании можно сделать вывод: Ф. М. Достоевский своей легендой о Великом Инквизиторе в романе «Братья Карамазовы» поставил перед человечеством (думающим человечеством) такие вопросы, которые до сих пор требуют своего осмысления и разрешения. Однако, кажется, однозначные ответы на неоднозначные вопросы не будут найдены никогда, ибо мир движим *единством и борьбой противоположностей*.

Между тем именно литературная критика указывает тот путь, по которому может пойти современный человек, постигая «вечные» истины и ища ответы на «проклятые» вопросы, обращаясь в поиске их к художественному творчеству русских классиков. Развитие теоретических и практических направлений в развитии современной литературной критики позволяет яснее сформулировать человеческие проблемы и вопросы, острее и тоньше активизировать процесс мышления современного человека.

1. Богданова О. В. «Эпиграфическая» повесть Ф. М. Достоевского «Бедные люди». СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 35 с.
2. Богданова О. В., Жилене Е. С. Картотека Льва Рубинштейна. Концептуальные практики на границе искусств. СПб.: Алетейя, 2024.
3. Богданова О. В., Цветова Н. С. «Эпох скрещенье...» Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб.: Алетейя, 2023. 374 с.
4. Богданова О. В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы. СПб.: Филол. фт СПбГУ, 2004. 714 с.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л., «Наука», 1991. Т. 9—10.
6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. 2-е изд., доп. Магадан: Новое время, 2020. 480 с.
7. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 628 с.
8. Курицын В. Н. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2001. 356 с.
9. Руденко Ю. К. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Эстетическое своеобразие и художественный метод. Л.: ЛГУ, 1979. 88 с.
10. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта, 2001. 380 с.
11. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! Гряди вон!» Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении. Изд. 2-е. СПб.: Серебряный век, 2016. 555 с.
12. Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-пресс, 1995. 736 с.

REFERENCES

1. Bogdanova, O. V. “*Epigraficheskaya*” povest» F. M. Dostoevskogo “*Bednye liudi*” [The “Epigraphic” Story by F. M. Dostoevsky “Poor People”]. Saint Petersburg, Herzen University Publ., 2020. 35 p. (In Russian).
2. Bogdanova, O. V., Zhilene, E. S. *Kartoteka L’va Rubinshteina. Kontseptual’nye praktiki na granitse iskusstv* [Lev Rubinstein’s Card Index. Conceptual Practices on the Border of Arts]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2024. (In Russian).
3. Bogdanova, O. V., Tsvetova, N. S. “*Epokh skreshchen’e...*” *Russkaia proza 1960-kh — 2020-kh godov* [«The Crossing of Epochs...» Russian Prose of the 1960s — 2020s]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2023. 374 p. (In Russian).
4. Bogdanova, O. V. *Postmodernizm v kontekste sovremennoi russkoi literatury* [Postmodernism in the Context of Modern Russian Literature]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Philological Faculty Publ., 2004. 714 p. (In Russian).
5. Dostoevsky, F. M. *Brat’ia Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. In: Dostoevsky, F. M. *Sobranie sochinenij v 15-ti tomah* [Collected works in 15 volumes]. Leningrad, “Nauka”, 1991, vol. 9—10. (In Russian).
6. Esaulov, I. A. *Paskhal’nost’ russkoi slovesnosti* [The Paschal Quality of Russian Literature]. 2nd ed., add. Magadan, Novoe vremia Publ., 2020. 480 p. (In Russian).
7. Zakharov, V. N. *Imia avtora — Dostoevskii: ocherk tvorchestva* [The Author’s Name is Dostoevsky: an Essay on His Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 628 p. (In Russian).
8. Kuritsyn, V. N. *Russkii literaturnyi postmodernizm* [Russian Literary Postmodernism]. Moscow, OGI Publ., 2001. 356 p. (In Russian).
9. Rudenko, Yu. K. *Roman N. G. Chernyshevskogo “Chto delat’?”*. *Esteticheskoe svoeobrazie i khudozhestvennyi metod* [N. G. Chernyshevsky’s Novel “What Is to Be Done?”. Aesthetic

Distinctiveness and Artistic Method]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1979. 88 p. (In Russian).

10. Skoropanova, I. S. *Russkaia postmodernistskaia literatura* [Russian Postmodernist Literature]. Moscow, Flinta Publ., 2001. 380 p. (In Russian).

11. Tikhomirov, B. N. «Lazar'! Gridi von!» Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii [«Lazarus, Come Forth!» F. M. Dostoevsky's Novel «Crime and Punishment» in a Modern Reading]. 2nd ed. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2016. 555 p. (In Russian).

12. Tikhonov, A. N., Boyarinova, L. Z., Ryzhkova, A. G. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian Personal Names]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995. 736 p. (In Russian).